

Українскій Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсянко-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

16-го Іюля 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 9

Редакція № закончена 15 іюля

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX столѣтіи.

Прошлый вѣкъ начался на Украинѣ подѣ знакомъ уничтоженной гетманщины: сожалѣніями объ утратѣ автономіи и мечтами объ ея возстановленіи. Болѣ импульсивный Капнисть, послѣдній представитель активныхъ автономистовъ XVII—XVIII в., въ качествѣ делегата своихъ земляковъ, „доведенныхъ до отчаянія тираніей русскаго правительства“, неудачно пробуетъ заручиться поддержкой прусскаго правительства на случай украинскаго возстанія для сверженія „русскаго ига“ и возстановленія „старого козацкаго устройства“, съ потерей котораго не можетъ, по его словамъ, мириться козацкое войско^{*)}). Болѣ сдержанный поэтъ-родоначальникъ возрождающейся украинской литературы, посвящаетъ свою извѣстную строфу — элегическій вздохъ отшедшей гетманщинѣ:

Так, вічної памяти, бувало
У нас в гетьманщині колись:
Так просто військо шикovalo,
Не знавши: стій, не шевелись!
Так славні полки козацькі

---

*) Подробнѣе въ моемъ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа“, гдѣ гл. XX—XXIV (новаго изданія) посвящены исторіи упадка и возрожденія украинства въ XVIII—XIX вѣкахъ.

Лубенський, Гадяцький, Полтавський
 В шапках було, як мак, цвітуть!
 Як грянуть, сотнями ударять,
 Передь себе пики наставлять,
 То мов мітлою все метуть *).

Со временемъ, однако, эти мечты и вздохи становятся слабѣе и глуше. Возстановленіе (очень преходящее и частичное) старыхъ учрежденій гетманщины, предпринятое, въ общей реакціи предшествующему царствованію, императоромъ Павломъ, не поддержало ихъ, сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ, наоборотъ, могло до нѣкоторой степени даже расколотить въ этихъ мечтахъ украинское общество, уже отвыкшее отъ этихъ старыхъ учрежденій,—поставивъ его съ ними лицомъ къ лицу. И если въ правительственныхъ кругахъ не прекращаются подозрѣнія украинской аристократіи въ планахъ возстановленія гетманства, если даже толки называютъ все новыхъ и новыхъ кандидатовъ на гетманскую булаву, — то несомнѣнно, что въ этихъ подозрѣніяхъ говорила болѣе беспокойная „совѣсть“ правительства, чѣмъ факты реальныхъ настроеній этой украинской аристократіи, весьма спокойно сочетававшей платоническіе вздохи о старинѣ съ ревностной службой новому режиму и еще болѣе ревностными заботами объ упроченіи, на почвѣ новыхъ порядковъ, своего личнаго и классоваго благополучія.

Болѣе реальны были симпатіи и стремленія къ возвращенію казачьяго строя среди украинскихъ массъ. Въ лѣво-

---

*) „Такъ бывало у насъ когда-то, въ блаженной памяти гетманщинѣ: такъ войско строилось въ свободные ряды, не зная: „стой“, „не шевелись“! такъ славные козацкіе полки Лубенскій, Гадяцкій, Полтавскій цвѣли, бывало, какъ макъ своими шапками, а какъ грянуть, ударять сотнями, высунувъ передь собою пики, то метуть передь собою все, какъ метлою“ (Котляревскій, *Виргиліева Енеида*, ч. IV). Рѣчь идетъ о замѣнѣ козацкой службы регулярною, о которой, какъ о предметѣ в ъ общаго неудовольствія, говорилъ Капнисть.

бережной Украинѣ къ нимъ съ большимъ успѣхомъ обращалось не разъ само правительство, надеждами на возвращеніе этого строя заохочивавшее украинское населеніе къ волонтерской службѣ въ козацкихъ полкахъ, формировавшихся въ трудныя минуты (во время нашествія Наполеона и позже, во время польскаго возстанія 1831 г.), но затѣмъ оставлявшее эти надежды безъ исполненія *). Въ правобережной Украинѣ (Кіевской губ.) эти стремленія прорвались во время формировація ополченій для Крымской кампаніи, когда крестьяне массами заявляли о своемъ желаніи идти на врага и домогались перечисленія ихъ въ казаки. Но въ основаніи этихъ стремленій, кромѣ козацкой традиціи, лежали иные мотивы, соціально-экономическаго характера: съ возстановленіемъ козацкаго устройства и перечисленіемъ въ казаки населеніе надѣялось освободиться отъ крѣпостной зависимости, податей, рекрутчины, словомъ—осуществить тѣ основы, на которыхъ опиралась старая козачина XVII вѣка.

Эту же демократическую, такъ сказать, сторону козацкой традиціи поддерживаетъ и выдвигаетъ украинское народничество, нарождающееся во второй четверти XIX столѣтія и въ своемъ развитіи значительно опереживающее народничество великорусское. Съ одной стороны—начинающееся съ конца XVIII в. рѣшительное обращеніе къ народному языку и народной стихіи въ возрождающейся украинской литературѣ, съ другой—вліяніе идей западноевропейскаго романтическаго народничества, поддержанное впечатлѣніями славянскаго возрожденія и замѣтное въ украинскомъ обществѣ уже во второмъ десятилѣтіи, а вполне опредѣленно выступающее въ третьемъ,—создаютъ эти, запечатлѣнные уже вполне

---

*) Въ 1830-хъ гг. правительство, опасаясь козацкихъ мечтаній, распорядилось даже перечислить этихъ козаковъ-добровольцевъ въ регулярную службу (на 18 лѣтъ!), а нѣкоторые полки были принудительно водворены на жительство на Кавказѣ.

сознательнымъ демократизмомъ, народническія теченія, для которыхъ украинскія массы, украинскій народъ становится не только предметомъ сочувствія къ его угнетенію и стремленію къ улучшенію его общественнаго и экономическаго положенія, но и предметомъ почитанія, какъ носитель правды и красоты жизни, возможное приближеніе къ которому становится руководящею идеею творчества и народоизученія. Старые герои козачины блекнутъ и меркнутъ передъ новымъ коллективнымъ и безымяннымъ героемъ — сѣрою массою, стремленія которой къ свободѣ и общественной справедливости вдохновляютъ новыя поколѣнія украинскаго общества.

Наиболѣе яркій и импульсивный ихъ представитель Шевченко уже съ презрѣніемъ отворачивается отъ политикановъ-гетмановъ, этого „варшавскаго сора и грязи Москвы“, не умѣвшихъ стать на почвѣ народныхъ интересовъ, отстаять свободу и свободный строй своей родины, закабалившихъ ее московскому самодержавію, а выдвинувшія ихъ народныя массы—старому и новому „панству“. Къ увлекающимъ его мечтамъ о былой „славѣ Украины“ неизмѣнно примѣшивается эта горькая память о погубившей ее розни старшины и народныхъ массъ, объ этихъ „тяжкихъ дѣлахъ“, забвеніе которыхъ онъ готовъ купить цѣною собственнаго „веселого віка“. Истиннымъ героемъ его и его единомышленниковъ дѣлается революціонный народъ, то козачество, которое ставитъ себѣ цѣлью достигнуть такого общественнаго строя, гдѣ не было бы „ни холопа, ни пана“. Болѣе радикальный, чѣмъ его товарищи, поэтъ мечтаетъ о новомъ народномъ возстаніи, которое „вражею злою кровью“ омыло бы „оскверненную землю“ его родины и превратило бы раздѣленную рабствомъ однихъ и господствомъ другихъ, сословными и экономическими привилегіями народность—въ „великую, новую свободную семью“ *).

---

*) Знаменитый его „Заповіт“ (завѣщаніе), писанный въ расцвѣтѣ творчества, въ концѣ 1845 г.

При такомъ отношеніи къ прошлому у этого младшаго поколѣнія народниковъ неизбежно должно было исчезнуть то консервативно-лояльное отношеніе къ современнымъ условіямъ, къ самодержавному режиму Россіи и провозглашенной имъ официальной формулѣ православія, самодержавія и народности, которое умѣло сочетать со своимъ народолюбіемъ старшее поколѣніе украинскихъ народниковъ, находившее болѣе точекъ соприкосновенія съ консервативно-реакціоннымъ славянофильствомъ, и официальнымъ народничествомъ великорусскимъ. Съ половины XIX вѣка этотъ консерватизмъ и официальный патріотизмъ, встрѣчающійся у представителей стараго поколѣнія и у разныхъ *minoris gentes* младшаго, нужно рѣшительно считать пережиткомъ, отжившею точкою зрѣнія украинства. И здѣсь наиболѣе рѣзкимъ и сильнымъ выразителемъ новаго настроенія является опять-таки Шевченко, съ необыкновенною, ни прежде, ни послѣ невиданною силою заклеившій уродства самодержавнаго режима, обрушившійся на его носителей со всею горячностью негодованія не только поработченной Украины, но и поработчаемаго общества Россіи. Страшныя репрессіи, нравственныя пытки, которыя встрѣтили его за смѣлыя слова, не сломили его гнѣвнаго духа, клеймившаго съ одинаковою силою до ссылки и послѣ возвращенія ея и „сатраповъ-унтеровъ“, и представителей темной и реакціонной церкви, и раболѣпствующую массу „нѣмыхъ, подлыхъ рабовъ, лакеевъ капрала пянаго“ *).

*) Отысканный недавно отрывокъ его стихотворенія: „Юродивый“ съ необыкновенною силою рисуетъ это настроеніе поэта въ послѣдній періодъ его творчества (послѣ ссылки); поэтъ обращается въ немъ къ воспоминаніямъ своей кіевской жизни 1840-хъ гг., когда

Капраль Гавриловичъ безрукий
 Та унтеръ пяний Долгорукий
 Украину правили...

. . . . .
 . . . Не вам.

Самодержавному режиму кружокъ Шевченка (такъ называемое Кирилло-Меѳодіевское братство) противопоставлялъ идею свободной славянской федераціи. Это было возобновленіемъ федеративныхъ идей „Соединенныхъ Славянъ“ 1820-хъ годовъ, но съ тою существенною поправкою, что принципъ національной федераціи проводился теперь и внутрь восточнаго славянства *), и Украина должна была явиться самостоятельнымъ членомъ федераціи. Эти изъ самоуправляющихся національныхъ тѣлъ („такъ, чтобы каждый народъ составлялъ особенную рѣчь-посполитую“), демократически организованныхъ, съ республиканскимъ устройствомъ („правление народное, съ правителемъ, а славянская федерація должна была составиться избраннымъ на время“). объединенныхъ федеральнымъ правительствомъ — „общимъ славянскимъ соборомъ изъ представителей всѣхъ племенъ“. Сословному строю, официальной народности и религіи, полицейскому гнету кружокъ противопоставлялъ требованія „всеобщаго равенства и никакого различія сословій“, религиознаго равноправія, свободы мысли и слова, а ближайшею цѣлью своею ставилъ „искорененіе рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ“ и всеобщее распространеніе грамотности **).

Донось на Кирилло-Меѳодіевское общество и вызванный

Не вам, въ мерезаній ливреі
 Доносчики і фарисеі,
 За правду пресьвятую встать
 І за свободу! Розпинать,
 А не любить ви вчились брата...

*) Къ сожалѣнію, остаются непровѣренными показанія о существованіи въ 1820-хъ годахъ „Малороссійскаго общества“, ставившаго своею задачею осуществленіе политической независимости Украины; если эти показанія имѣютъ въ себѣ что-нибудь реальное, мы имѣли бы въ немъ современную поправку къ планамъ освободительнаго движенія 20-хъ годовъ.

**) „Уставъ“ и „Правила“ кружка помѣщены недавно въ журналѣ „Былое“ (за февраль).

имъ процессъ, окончившійся полнымъ разгромомъ его—заключеніемъ и ссылкой членовъ (1847), внесли замѣтную останковку въ развитіе идей, которыми были проникнуты кирилло-меѳодіевскіе „братчики“. Когда изъ своихъ подневольныхъ мѣстопробываній они собрались (увы, далеко не всѣ) въ концѣ 1850-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ, ихъ захватила волна тогдашняго освободительнаго движенія, „великихъ реформъ“, центральнымъ вопросомъ которыхъ для нихъ являлся такъ давно и любовно разрабатывавшійся въ украинской литературѣ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Передъ этимъ вопросомъ дня отодвинулись на второй планъ политическіе идеалы кирилло-меѳодіевскаго кружка, поблѣднѣло и стушеввалось недоброжелательное отношеніе къ украинскому „провинціализму“, наблюдавшееся у великорусскихъ „западниковъ“ (вспомнимъ рѣзкіе выходы Бѣлинскаго противъ украинской литературы вообще и противъ Шевченка въ частности). Основанный кирилло-меѳодіевцами журналъ „Основа“ (1861—2) главное вниманіе обращаетъ на вопросы освобожденія крестьянъ, землеустройства и самоуправленія украинскаго крестьянства, въ связи съ развитіемъ этихъ вопросовъ для цѣлой имперіи, далѣе выдвигаются вопросы о мѣрахъ успѣшнѣйшаго распространенія грамотности и образованія (воскресныя школы, учебники на народномъ языкѣ).

Активный періодъ и на этотъ разъ продолжался недолго. Послѣдовавшее уже въ 1863 г. первое запрещеніе украинскаго слова (Валуевскій циркуляръ) положило конецъ планамъ популярно-научной и учебной литературы, а затѣмъ и литературному движенію вообще; проявленія общественной и личной инициативы подверглись также суровымъ преслѣдованіямъ—высылки и аресты задавили попытки организаціонной дѣятельности. Возобновившіяся затѣмъ, послѣ почти десятилѣтняго антракта, главнымъ образомъ въ Кіевѣ, попытки легальной литературной и научной дѣятельности,

изученія народной жизни, ея экономических и общественных условий также скоро были задавлены новымъ, еще болѣе категорическимъ и абсолютнымъ запрещеніемъ украинскаго слова, создавшимъ новый „антрактъ“ въ развитіи украинства въ Россіи (указъ 1876 г., оставшійся въ силѣ вплоть до недавнихъ „временныхъ правилъ о неновременной печати“).

Въ такихъ условіяхъ, гдѣ абсолютно запретными для украинцевъ оставались цѣлыя области духовной дѣятельности, какъ научная, популяризаторская, переводная литература на украинскомъ языкѣ; гдѣ почти непреодолимая преграда клалась украинской беллетристикѣ, украинскому театру; гдѣ съ серьезными препятствіями приходилось считаться даже изученію прошлаго и настоящаго Украины, украинскаго языка, исторіи, этнографіи; гдѣ самое подозрѣніе въ сочувствіи „укинофильскимъ идеямъ“ считалось преступленіемъ, и призракомъ „сепаратизма“, гдѣ преслѣдовалось всякое проявленіе стремленій къ подъему культурнаго уровня украинскаго народа, его общественнаго и національнаго сознанія, всякое обращеніе къ его родному языку, какъ орудію культурнаго движенія,—въ такихъ условіяхъ, съ періодами обостренія и смягченія, но въ общемъ почти безъ измѣненій ватянувшихся на полныхъ сорокъ лѣтъ, конечно, не мыслимо было сколько-нибудь правильное движеніе не только украинской литературы или науки, но и политической и общественной мысли, лишенной всякихъ легальныхъ органовъ своего развитія.

Наиболѣе импульсивные элементы украинскаго общества въ виду все усиливающейся правительственной реакціи и невозможности легальной политической и общественной дѣятельности примыкаютъ къ современнымъ революціоннымъ движеніямъ Россіи и, выдвигая на первый планъ интересы политической борьбы, склонны были пренебрегать національными запросами, откладывая ихъ „на другой день послѣ побѣды надъ самодержавнымъ режимомъ“. Люди, не допу-

скавшіе такого пренебреженія, дорожившіе развитіемъ также и національной стороны общественнаго движенія, въ виду непреоборимыхъ препятствій, ставившихся украинству въ Россіи, постепенно, — начиная уже съ первыхъ запрещеній (1863), переносятъ свою литературную, отчасти и общественную, дѣятельность за границы Россіи, въ австрійскую Украину, въ сосѣдній Львовъ.

Подъ воздѣйствіемъ этого вліянія и непосредственнаго участія украинскихъ силъ въ мѣстной литературной работѣ, галицкая литература и общество, значительно отставшія подъ соединеннымъ господствомъ реакціонно-клерикальной польской шляхты и такой же австрійско-польской бюрократіи, теперь въ ускоренномъ темпѣ проходятъ стадіи развитія украинской общественной мысли, отъ наивнаго козакофильства къ романтическому, потомъ болѣе реальному народничеству и, наконецъ, къ социалистическимъ и радикально-прогрессивнымъ направленіямъ. Соединенными силами галицкихъ дѣятелей и Украинцевъ изъ Россіи, наряду съ эволюціей литературной, выработкою формъ и средствъ просвѣтительной и вообще культурной работы, производится на украинской почвѣ Галиціи провѣрка и практическое приложеніе политико-общественныхъ схемъ и программъ, вырабатываются практическія формы общественной и политической организацій и т. п. *). Съ 1890-хъ годовъ особенно, Галиція дѣлается горниломъ украинской политической и общественной мысли для всей Украины, такъ сказать, образцовой школой политической и культурной работы, въ которой принимаютъ живѣйшее участіе политически настроенные элементы украинскаго общества Россіи. Между тѣмъ правительственныя репрессіи украинству, съ одной стороны, и не національный (часто даже антинациональный, централистическій) харак-

---

*) См. краткій очеркъ въ моей статьѣ „Украинскій Пьемонтъ“ въ № 2 „Украин. Вѣстника“, подробнѣе въ XXV главѣ „Очерка“.

теръ революціонныхъ движеній — съ другой, приводятъ къ такъ наз. культурничеству, то-есть принципиальному исключенію изъ ближайшей программы украинства задачъ политическаго характера и сведенію его къ задачамъ чисто-культурнымъ.

Представителемъ перваго, такъ сказать, политическаго направленія, наиболѣе яркимъ и вліятельнымъ для своего времени былъ Драгомановъ († 1895), членъ кіевскаго украинскаго кружка 70-хъ гг., въ своемъ познѣйшемъ положеніи эмигранта имѣвшій непосредственное воздѣйствіе на галицкое движеніе, но въ значительной степени также и на украинскіе кружки Россіи 1880-хъ и начала 1890-хъ гг. Въ сферѣ общественной это былъ эволюціонный соціализмъ, съ сильнымъ народническимъ оттѣнкомъ, служившій, такъ сказать, смягченною параллелью къ землевольческимъ и народо-вольческимъ теченіямъ Россіи. Въ сферѣ политической — демократическій конституціонализмъ и федерализмъ, представлявшій новое, исправленное изданіе федералистическихъ идей Кирилло-мееодіевцевъ, освобожденныхъ отъ религіознаго мистицизма, которымъ была сильно проникнута Кирилло-мееодіевская программа, и перенесенныхъ съ почвы славянофильской (федерація славянскихъ народовъ) на реальную почву современныхъ отношеній: перестройки на федеративныхъ началахъ современной Россіи, съ національно-территориальной автономіей во главѣ угла (у самого Драгоманова, впрочемъ, этотъ принципъ національно-территориальной автономіи неудачно затемнялся идеей автономіи областной).

Культурничество, многочисленныхъ (но менѣе яркихъ, чѣмъ какимъ былъ Драгомановъ для политическаго украинства) представителей котораго, живущихъ и умершихъ, я не буду перечислять, — въ свою очередь пошло въ двухъ направленіяхъ. Одно, представленное отчасти кружкомъ „Кіевской Старины“, имѣло, — позволю себѣ такъ выразиться, характеръ болѣе общерусскій; оно оставляло политическую и обществен-

ную работу, въ болѣе либеральномъ или болѣе консервативномъ направленіи (смотря по взглядамъ отдѣльныхъ представителей этого направленія), такъ сказать, общеимперскимъ элементамъ, считая удѣломъ украинцевъ производить надстройку надъ этою работою въ видѣ изученія Украины, сохраненія традицій украинскаго языка и литературы, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ („для домашняго употребленія“, какъ говорило^{сь}), которые бы не вызывали упрековъ въ сепаратизмъ (съ проповѣдью такого скромнаго „укаинофильства“ выступилъ между прочимъ и Костомаровъ въ послѣдніе годы жизни, какъ говорятъ—изъ мотивовъ чисто тактическаго свойства). Другое направленіе, такъ сказать, радикально-національное, старалось противопоставить великорусской стихіи стихію украинскую, съ ея самобытнымъ содержаніемъ, какъ равноправный и самодовлѣющій національный типъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Держась чисто „культурническаго“ направленія въ Россіи, представители этого направленія не прочь были вести политику въ Галиціи, гдѣ при ихъ участіи созданъ былъ компромиссъ украинскихъ націоналистовъ съ центральнымъ правительствомъ и мѣстными польско-шляхетскими правящими кругами,—такъ называемая угода 1890 г., имѣвшая цѣлью обезпечить нестѣсняемое культурное развитіе украинства цѣною уступокъ политическаго характера (смягченія украинской оппозиціи польско-шляхетскому режиму) и весьма скоро провалившаяся въ виду невозможности примирить въ дѣйствительности жизненные запросы украинства съ сохраненіемъ польско-шляхетскаго режима.

Чисто культурническое направленіе и на почвѣ Россіи скоро обнаружило свою полную несостоятельность. Съ одной стороны, старый режимъ оставался непреклоннымъ въ своемъ преслѣдованіи *всякаго* проявленія украинскаго національнаго сознанія, и никакимъ пониженіемъ украинскихъ запросовъ, никакими „отмежеваніями слѣва“ не удавалось здѣсь

создать почвы для какого-либо легального украинства, съ другой стороны — съ совершенною ясностью обнаруживалось, что культурно-національные запросы украинства такъ тѣсно и органически связаны съ общественно-политическими, что невозможно выдѣлить ихъ, не обрекая на захуданіе. Поэтому даже чисто научная работа въ концѣ концовъ захирѣла въ кievскихъ украинофильскихъ кругахъ, отмежевавшихся слѣва, отъ „политики“, и, наоборотъ, развилась въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, на галицкой почвѣ, гдѣ культурная работа (до чисто научной включительно) не переставала быть интегральною частью политическаго и общественнаго движенія, борьбы за права народа и его трудящихся массъ.

Съ концомъ девяностыхъ годовъ паденіе культурничества стало очевиднымъ. Младшія поколѣнія, отвернувшись отъ этого „украинофильства“ (это имя пріобрѣло въ ихъ устахъ характеръ отрицательный, какъ обозначеніе не-серьезнаго и поверхностнаго отношенія къ украинству), кладутъ во главу угла своей дѣятельности сочетаніе національнаго радикализма *) или съ болѣе или менѣе лѣвыми общественно-политическими теченіями, въ видѣ народническаго соціализма или соціальнаго демократизма, или съ болѣе умѣреннымъ конституціоннымъ демократизмомъ, то-есть возвращаютъ украинству политическій характеръ. На этой почвѣ, подобно галицкимъ теченіямъ и партіямъ 1890-хъ годовъ, формируются и эволюционируютъ, главнымъ образомъ уже въ первыхъ годахъ ХХ вѣка, теченія и партійныя организациі Украины Россійской, въ большинствѣ дѣйствующія и, теперь, которыхъ характеристика дана будетъ на страницахъ нашего журнала другими нашими товарищами.

Проф. Мих. Грушевскій.

---

*) Употребляю это выраженіе взамѣнъ „радикальнаго націонализма“, чтобы не придать ему неблагопріятнаго оттѣнка, которое такъ часто соединяется теперь съ словомъ „национализмъ“.